

Молодой Булгаков о еврейском вопросе:

*С. Булгаков. Два критерия (1905)*¹

В газетах опубликован журнал комитета министров относительно наболевшего еврейского вопроса. Комитет признал, что с «государственной точки зрения вопрос этот имеет только одно разрешение — полное уравнение евреев в правах с прочими гражданами». Однако комитет не осуществил своего решения, предоставив его будущему народному представительству, с следующей характерной мотивировкой: «Общинно-расовые стороны вопроса заставляют принять иное решение, так как уравнение евреев в правах с прочим населением может нарушить его интересы, не ограждая экономического быта от еврейского влияния и вместе с тем может возбудить в нем недовольство, которое выразится в явлениях, прискорбных и нежелательных», и т.д. Аргументация эта, типичная для бюрократии, весьма характерна по своему общему основанию, ибо мировоззрение, положенное в ее основу, является весьма распространенным среди националистов всех времен и народов.

Есть два способа отношения к отдельным людям и к целым национальностям, представляющим собой тоже духовные организмы, собирательные индивидуальности: можно видеть в личности самоцель, абсолютную ценность, такую же, как и соответствующая персона, или же просто вещь, которая рассматривается в качестве средства для посторонних, внешних целей и не имеет никаких прав и собственных притязаний. В первом случае мы имеем всепожирающий эгоизм, признающий весь мир и все человечество существующим только для своего я. Перенесенный в область национальных отношений, он перерождается в национализм, смотря по обстоятельствам, то кроткий и бла-

1 *С. Булгаков. Два критерия // Сын Отечества. № 113. СПб., 28 июня (11 июля) 1905. С. 1.*

годушный, то — гораздо чаще — хищнический и насильнический. Во втором случае мы имеем единственно нормальное человеческое отношение, которое предписывает нам совесть, внятно говорящая: уважай чужую личность и чужую национальность, как свою собственную. Вот два непримиримых, противоречащих критерия: национальный эгоизм, государственный утилитаризм, политика государственного интереса, с одной стороны, требования национальной совести, международного братства, христианской любви и свободы — с другой. Во имя так называемого государственного интереса, верно или неверно понятого национального эгоизма, совершались и совершаются те международные преступления, которые дали повод Вл. Соловьеву метко называть эту политику международным людоедством. Во имя государственного интереса, хотя и совершенно своеобразно понятого, натравливаются национальности одна на другую. Отношения же, наоборот, второго типа являются редким исключением, хотя должны быть общим правилом.

Конечно, не всегда теория «интереса» подсказывает одни только жестокие репрессии к другим народам, которые нам так известны.

Но если не везде от этого принципа льется кровь в войнах внутренних и международных, то очень часто творится насилие, хотя и бескровное, но не менее преступное. Нужны примеры: гакканизм² в Германии, Ирландия, Индия и Трансвааль в Англии и т.д. и т.д. И, самое главное, такие случаи всегда возможны, пока руководящим критерием в национальном вопросе остается государственный интерес, пока грубый утилитаризм применяется там, где существуют абсолютные ценности, неприкосновенные святыни, пока политика международного пожирания не вызывает принципиального осуждения. Нужно совершенно отказаться от первого критерия и принять второй — признать идеальное достоинство человеческой личности и естественные права на существование и самоопределение всякой национальности, хотя бы ее совершенно легко мог поглотить современный Левиафан.

Пред нашей освобождающейся родиной, пред будущим народным представительством стоит сложный и трудный национальный вопрос, взвинченный до последней степени всей нашей историей и особенно последними событиями, плодом государственного разума бюрократии. И перед волей и совестью освобожденного народа предстанет вновь то же самое искушение: соблазнительная легкость вопросы совести и человеческого достоинства решить соображениями государственного утилитаризма и национально-эгоистического расчёта [sic]. Конечно, мы знаем, что существующие формы национального угнетения погибнут вместе с отжившим строем и не воскреснут, но этого мало: нужно отвергнуть искушение целиком, в самом корне признать

2 Nakatism / Nakatismus — германский империализм в польских землях (М.К.)

и провести в жизнь принцип национального самоопределения без всяких ограничений, если бы даже «господствующей» нации пришлось при этом потерпеть, принести заслуженное искупление за свои национально-исторические грехи. Конечно, политика совести есть самая мудрая и, в конце концов, самая практичная. Но националистическая политика должна быть осуждена не только потому, что не рассчётлива [sic], но прежде всего потому, что она — преступна и во всяком случае следует предпочесть даже заведомо нерассчётливую политику преступной, ибо лучше рыцарство, чем хамство, и неужели любовь к своему народу заставляет желать для него роли насильника? Допустим на один момент, что опасения совета министров справедливы, и эмансипация евреев действительно тяжело отзовется на русском народе. Следует ли отсюда, что терпимо дальнейшее существование ограничения прав? Никоим образом. И соображения утилитаризма, т.е. национального эгоизма, должны быть совершенно отброшены там, где они сталкиваются с высшими этическими обязанностями народов. И если кто-нибудь упрекнет нас за это в отсутствии патриотизма, который нам проповедует националистическая пресса, мы ответим вместе с Вл. Соловьевым: «лучше отказаться от патриотизма, чем от совести».